

RUSSIA IN A SCHOLAR'S LIFE

I am Chester S. L. Dunning, Professor of History and Murray and Celeste Fasken Chair in Liberal Arts at Texas A&M University in College Station, Texas.

You asked me: **How did you get interested in Russia, and what was the reason?**

My interest in Russia dates back to my childhood. I grew up on the Northern California coast, near 'Fort Ross', the 'Russian River', and the «Chetko River'. My great grandparents owned a ranch near the Russian River, and vacationing Russians and Ukrainians who lived in San Francisco often took the train to visit the Russian River area (home of the famous 'Bohemian Grove'). Sometimes they stayed in wood cabins built by my great uncles. When I was a boy, I got interested in space and Sputnik. My dad, an electrician, and I watched the sky with binoculars looking for Sputnik. I built a crystal set (a radio) and was able to listen to Laika bark on a Soviet satellite. I was very impressed by the Soviet Union! At school we started getting enhanced training in science and math, at least in part to catch up with the USSR. We also began to get foreign language training earlier in school, and the federal government tried to accelerate our education, including physical fitness. We read stories about the amazing accomplishments of young Russians and how hard they worked in school and how much homework they did. One pamphlet was titled «Why Johnny can't read and Ivan can!»! We learned that women in USSR held high office and had professional jobs as medical doctors and plant managers – unlike in the USA. We learned that Soviet and American scientists co-operated during IGY (International Geophysical Year). I also knew that the Russians had been our indispensable allies in the defeat of Nazi Germany.

I read a lot of military history as a teenager, especially about World War II. I read about tank battles in Eastern Europe as well as battles in North Africa and Western Europe. My father was a Navy electrician who was at Pearl Harbor at the beginning of WWII. I had a photograph of the aircraft carrier he served aboard on my bedroom wall as a child. My best friend went to the Naval Academy. I contemplated becoming a medical doctor and an admiral. I read the Christian Science Monitor to learn more about the USSR and Communist China. I was amazed by the Cuban missile crisis and horrified by the Cultural Revolution. I became intrigued by Russia and the

Soviet Union. I read about Nikita Khrushchev's struggle with China's Mao Zedong to achieve socialism first. I saw that Khrushchev was freeing Stalin-era Gulag Archipelago prisoners while Mao seemed to be killing his own people. I read and reread the first translation of Aleksandr Solzhenitsyn's *One Day in the Life of Ivan Denisovich*, and I devoured Andrei Sakharov's writings on peaceful co-existence and 'convergence'. Sakharov was a rational (brilliant, brave) Russian scientist I admired as much as Oppenheimer. My sister read the poetry of Yevtushenko to me, and we talked about the 'space race' and the race for scientific progress.

Partly inspired by the prospect of being a good citizen, I trained to be a chemist, and my first job was with the Federal Government – the Bureau of Commercial Fisheries (in the Department of the Interior) in Astoria, Oregon. My job was to take water samples along the Columbia River estuary from the mouth of the river to a spot 40 miles inland, rain or shine, and to run chemical and biochemical tests on the water samples to see what the conditions in the river were for the juvenile salmonids (fingerling chinook salmon). When my work uncovered pollution of the Columbia River by a paper mill, my boss stood up for the commercial fishermen and demanded that the pollution be stopped. He was soon informed by Interior Department officials that my scientific data was to be locked up for 20 years and that there was to be no more sharing data with private sector commercial fishermen. That meant I could not publish my findings without going to jail. I was shocked and decided to rethink my career plans.

I went back to college and tried a different major, Greek literature. Then I listened to brilliant lectures on Russian history by Professor Peter Kenez. A child in a Nazi concentration camp, Kenez escaped from Hungary in 1956 to get a Ph.D. from Harvard in Russian history. His first two books were on the Russian Civil War. He taught at University of California at Santa Cruz, an experimental campus with no grades! I was one of the pioneering students at UCSC. (I studied chemistry under Prof. Stanley Williams, a nominee for a Nobel Prize for creating xenon tetrafluoride.) I ended up studying Russian history and the Russian language. My Russian language professor, Benjamin T. Clark, had grown up in Central California. He spoke German to talk to his grandparents. He went to the Monterey Language School and learned Russian so well that he became a spy. He spoke with a slight German accent and was often mistaken for a Baltic German. His pronunciation of Russian in the dialect of Arkhangel'sk was memorable.

I could not afford graduate school. I had no money. But I was invited to join the graduate program at U.C. Berkeley to study with Professor Nicholas Riasanovsky. He wanted all of his students to study 19th century Russian intellectual history. I rejected that plan. Instead, I accepted the invitation to join the History graduate program at Boston College, a Jesuit university. My plan was to study early modern Russia, a pioneering field that intrigued me. Peter Kenez had encouraged to study early modern Russia, and I got hooked. When I moved to Boston, just across the Charles River in Cambridge, Massachusetts, was Professor Edward L. (Ned) Keenan, a

brilliant historian of Muscovite Russia. He was kind to me, offered excellent advice, and was willing to sit on my Master of Arts thesis committee and my Ph.D. dissertation committee. Also on my dissertation committee was Professor Robert O. Crummey, another fine historian of Muscovite Russia (first at Yale and then at UC Davis). It was Bob Crummey who encouraged me to study Russia's Time of Troubles.

For my Ph.D. dissertation, I translated the first printed French account of Russia, published in 1607 by the captain of Tsar Dmitrii's bodyguard, Jacques Margeret. After graduating from Boston College in 1976, I returned to Oregon. Without any academic job lined up, I worked for a year as an electrician. My father told me that he wanted me to work with my head, not my hands. But, he said, you also need to know how to work with your hands. Good advice! In 1977 I landed a job teaching Russian history at Pembroke State College in North Carolina (now The University of North Carolina at Pembroke). I was happy! I regularly traveled to Chapel Hill to use the fine University of North Carolina library for my research on the Time of Troubles. After two years in North Carolina, I was lucky to be appointed as an Assistant Professor at Texas A&M University, a major research university. I have been teaching Russian and early modern European history at Texas A&M University for over thirty years. I love my job and my students.

I am especially proud to be part of the A&M team that trains future thoughtful, hardworking professionals who focus on Russia. Among my former students who work in Russian-related jobs are U.S. military officers helping to destroy aging Soviet-era missiles, N.S.A. analysts, C.I.A. officers, Defense Intelligence translators, State Department personnel, lawyers and analysts working for American corporations doing business in the Slavic world, entrepreneurs, religious missionaries, musicians, artists, farmers sharing their skills with Slavs, and engineers (agricultural, computer, electrical, chemical, petroleum, nuclear, and civil). Among the U.S. military officers who studied with me are some who now teach and conduct research and others who work in embassies throughout the world. One of them was the first American to be invited to study at Russia's prestigious Frunze Military Academy. Another former student who keeps in close touch with me is the director of all Orthodox Christian relief work done throughout the world. There can be no better, more rewarding career than helping American students learn about other cultures, improve their analytical and writing skills, and become more self-aware, independent thinkers and active citizens of the United States and the world.

During the past three decades my research and publications have been very well received by the scholarly community. In addition to two dozen refereed articles and a half dozen book chapters, I have published several books, including *The Russian Empire and Grand Duchy of Muscovy: A Seventeenth Century French Account* (1983). That book is still in print as a paperback. I am especially proud of my big book, *Russia's First Civil War: The Time of Troubles and the Founding of the Romanov Dynasty* (2001). It took me a dozen years to research and write, and it is still in print

in paperback. I published an abridged version: *A Short History of Russia's First Civil War* (2004); it is still in print. I thoroughly enjoyed working on a collaborative research project that resulted in *The Uncensored Boris Godunov: The Case for Pushkin's Original Comedy, with Annotated Text and translation* by Chester Dunning with Caryl Emerson, Sergei Fomichev, Lidiia Lotman, and Antony Wood (2006). It is still in print in paperback.

During my first research trip to USSR (1987), I traveled alone and was amazed to be assigned my own personal KGB agent. He helped me find free transportation to my hotel and told me to avoid eating at certain places in Leningrad. I was appalled by how rusty the Soviet Union was and the harsh ways the authorities treated most ordinary citizens. The first time I ever saw policemen beat up a panhandler was in Vyborg. I also saw Asian men being beaten by policemen in a Moscow train station. On the other hand, I was treated kindly. My main contacts in the Soviet academic world were Professors Ruslan Skrynnikov and Aleksandr Stanislavskii. Ruslan Grigor'evich and I developed a good working relationship, and together we destroyed the old Marxist (and Soviet) historical model of the Time of Troubles known as the 'first peasant war'. We demonstrated that there was no social revolution of the masses in the Time of Troubles. There were no demands for the abolition of serfdom, and very few serfs participated in any of the uprisings or military campaigns. It is gratifying to see the end of the old, 'stupid' model of the Smuta as a younger generation of Russian scholars attempt to construct more robust interpretations of early modern Russian history by using empirical evidence. It is equally gratifying to see the original version of Aleksandr Pushkin's *Boris Godunov (Comedy about Tsar Boris and Grishka Otrep'ev)* finally receive the attention it deserves. Thanks in part to our work, it has been included in the new Academy edition of the Complete Works of A. S. Pushkin.

You asked me: **Is there a future for studying Russia within the global science development?**

Of course, the answer is a loud YES! We need Russian science now more than ever. Let me just point out two examples: space and global warming. I still love science and deeply respect the commitment to scientific progress of many Russians. I am also interested in the possible application of social science models to early modern Russian history. I have a graduate student who works on the climate of early modern Europe, the Little Ice Age, and I have written about its impact on early modern Russia. I have written about the application to Muscovite Russia of the 'fiscal-military' state model derived from early modern Western military history. I have also written about the application of historical sociology to early modern Russia, and I have collaborated with Sergey Nefedov on projects applying to Russia the ideas of Jack Goldstone.

You asked me: **What do you consider to be most attractive in Russia's past and present?**

I have always admired Russians's skill at science and engineering and the great courage and enormous capacity for self-sacrifice and generosity of many Russians. I enjoy attempting to reconstruct Russia's history. The task is very difficult, but for me it is a privilege as well as a puzzle. I thoroughly enjoy teaching Russian history to American students. Russian history and culture present some challenges to Americans, and I enjoy helping my students meet those challenges. As we learn more about Russia and the Russians, we learn more about ourselves. Among other things, my students learn that early modern Russian soldiers were considered to be the best defensive fighters in the world. In the 17th century Muscovite lords and ladies became addicted to wearing pearls they thought were from the Caspian Sea and Persia but were actually from wherever the Dutch could find them for the right price. Patriarch Nikon personally 'owned' up to 35,000 serfs. It was Tsar Aleksei, not his son Peter the Great, who first saw the serious problems posed to the Romanov dynasty by the Russian people's belief in 'Holy Russia' and, as a result, began the country's secularization. In my opinion, there is no period of Russian history that will not fascinate us if we study it closely.

You asked me: **Which fields of Russian studies you would call the most important for you?**

I am a historian of early modern Russian culture, but I do not have any faith in semiotics – only in data-based empirical evidence carefully evaluated by peer review. As a research scholar I find the seventeenth century 'most important'. I do not mean that in a silly way. I believe the impact of the horrific Time of Troubles pushed Russia in the 17th century down a path toward a near-caste society that greatly retarded Russia's economic, social and intellectual development. The last thing the early Romanov tsars wanted was a civil society of active citizens thinking for themselves. As a teacher, I find several periods of Russian history to be very important. In Kievan Rus' a 'Latin allergy' developed that cut Russia off from the West just as much as the Mongols did. (Think about the impact of choosing not to read Latin or study Latin sources.) The Mongols were responsible for much in Russian history, including the rise of Muscovy. The sixteenth century saw the creation of the 'sacred' Russian empire and the severe decline of Russia's economy and peasants-becoming-serfs. In spite of the Time of Troubles, Muscovite Russia managed to grow by the mid-17th century to become the largest country on the planet.

I am also interested in Russian history after the 17th century. My students learn that Russian troops first occupied Berlin in 1760. They learn that Aleksandr Radishchev became the grandfather of the Russian intelligentsia, and that Aleksandr Pushkin became Historian Laureate of Russia in 1831. My students find it hard to believe that Tsar Nikolai the First did not like railroads and did not encourage their construction in Russia. The British and French built railroads on the Crimean peninsula during the Crimean War while the Russians had no railroads connecting St. Petersburg or Moscow to

Sevastopol. Guess who won the war? My students learn that Rasputin urged Tsar Nikolai II to stay out of World War II, but that after Rasputin's death he apparently continued to advise Empress Aleksandra – by seance – about running the government while the tsar was at the military front. We study why Aleksandr Kerenskii failed to end the war or to deliver the land to his own constituents. We ask the awkward question: Where would Russia (and the USA!) have been in 1941 without Stalin's collectivization of agriculture? How did the Soviet scientists and engineers manage to put a dog in space? What did Khrushchev mean to say when he reassured Americans upset by the death of the first dog in space that they shouldn't worry because 'Laika was black'? What would have happened if Yeltsin had created his own political party as president of the Russian Federation? Where would we be if President Bill Clinton had tried harder to help bring Russia safely out of communism into the modern world instead of bombing Belgrade? What did we learn from Russia's recent brushfire war with Georgia? I guess what I'm trying to say is that all periods of Russian history are important. At least they are important to this old professor whose wife also studied Russian and read Yevtushenko and Dostoevsky, and whose son is fascinated by Skriabin's atonal music and is curious about Russia's special relationship with Syria's murderous dictator.

You asked me: **Does Russia's image in post-Soviet time encourage the rise of interest in the country?**

Not really, unless you are referring to a slight rise in 'negative' interest in Russia as a foe of the USA. In fact, most of my students at Texas A&M University are politically conservative, but they are also fairly open-minded about Russian history and culture. Many admire Russian culture and science, and there are fewer and fewer ardent Cold Warriors who see Russia as the enemy of USA. But my students are not impressed by Mr. Putin. He seems fearful of allowing open expression of ideas, something Americans hold dear.

Let me end this long note about my 'love affair' with Russian history and culture with a question for my Russian readers: Why do you tolerate such poor health in children and adults and poor health care for most of your citizens? Russia is wealthy enough to take good care of all its citizens. On the other hand, here in USA the Republicans in the House of Representatives are trying to destroy access to good, affordable health care for poor Americans. We Americans are still learning about poverty in our own country, so I do not mean to sound judgmental about Russia. In the end, by studying others, we learn – sometimes reluctantly – more about ourselves. As Sting said in one of his best songs, 'Russia': The Russians love their children too. Regardless of ideology, we share the same biology!

* * *

РОССИЯ В ЖИЗНИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

Меня зовут Честер С. Л. Даннинг, я профессор истории и заведующий кафедрой гуманитарных наук имени Мюррея и Селесты Фаскен Техасского университета А & М в Колледж-Стейшен, Техас.

Вы спрашиваете: «Как Вы заинтересовались Россией и какова была причина этого интереса?»

Мое увлечение Россией уходит корнями в детство. Я вырос на побережье Северной Калифорнии, недалеко от Форт-Росса, реки Русской (Четко). У моих прадедушки и прабабушки было ранчо около реки Русской, и отдыхающие русские и украинцы из Сан-Франциско часто приезжали в эти места (здесь расположена знаменитая Богемская роща). Иногда они останавливались в деревянных хижинах, построенных моими двоюродными дедушками. Когда я подрос, я заинтересовался космосом и искусственным спутником. Вместе с отцом-электриком я смотрел на небо в бинокль в поисках спутника. Я собрал детекторный радиоприемник и слушал голос Лайки, доносившийся оттуда. Меня очень впечатлял Советский Союз! В школе нас стали усиленно обучать естественным наукам и математике, чтобы хотя бы частично догнать СССР. Мы начали раньше учить иностранные языки, и правительство пыталось ускорить наше образование, в том числе в области физической подготовки. Мы читали рассказы об удивительных достижениях юных россиян, о том, как усердно они трудились в школе и как много они делали домашнего задания. Одна брошюра, например, была озаглавлена: «Почему Джонни не умеет читать, а Иван умеет?». Мы узнавали, что советские женщины занимают высокие должности, работают врачами и директорами заводов, чего в те годы в США не было. Мы узнавали, что советские и американские ученые сотрудничают в рамках международного геофизического года (МГГ). Я также знал, что русские были нашими важнейшими союзниками в разгроме нацистской Германии.

Будучи подростком, я читал много книг по военной истории, особенно о Второй мировой войне. Я читал о танковых сражениях в Восточной Европе, а также о битвах в Северной Африке и Западной Европе. Мой отец работал электриком на флоте и в начале Второй мировой войны был в Пёрл-Харборе. Когда я был ребенком, на стене моей спальни висела фотография авианосца, на борту которого он служил. Мой лучший друг учился в Военно-морской академии. Я думал о том, чтобы стать врачом и адмиралом. Я читал газету «Кристиан Сайэнс Монитор», чтобы больше узнать об СССР и коммунистическом Китае. Меня поражал Карибский кризис и ужасала китайская культурная ре-

волюция. Россия и Советский Союз меня заинтриговали. Я читал о том, как Никита Хрущев и Мао Цзэдун борются за то, чтобы достичь социализма первыми. Я видел, что Хрущев освобождает узников Архипелага ГУЛАГ, в то время как Мао убивает свой народ. Я читал и перечитывал первый перевод «Одного дня Ивана Денисовича» Александра Солженицына и проглатывал работы Андрея Сахарова о мирном сосуществовании и «конвергенции». Сахаров – отважный русский ученый, которым я восхищался так же, как Оппенгеймером. Сестра читала мне поэзию Евтушенко, и мы разговаривали о космической гонке и о соревновании в сфере научного прогресса.

Отчасти потому, что я хотел стать образцовым гражданином, я выучился на химика. Свою первую должность я получил в федеральном правительстве – в Бюро коммерческого рыболовства (Министерство внутренних дел) в Астории, штат Орегон. Моя работа состояла в том, чтобы брать образцы воды из дельты реки Колумбия, продвигаясь от ее устья на 40 миль вглубь страны, в дождь и зной. Я должен был проводить химические и биохимические исследования образцов воды, чтобы установить условия жизни молодых лососевых (мальков чавычи). Когда в результате моей работы обнаружилось, что река Колумбия загрязняется бумажной фабрикой, мой начальник встал на сторону промышленного рыболовства и потребовал остановить загрязнение. Вскоре Министерство внутренних дел поставило его в известность, что мои научные данные будут засекречены на 20 лет и что отныне нам запрещено делиться информацией с частным сектором промышленного рыболовства. Это означало, что если я опубликую свои открытия, то попаду в тюрьму. Я был потрясен и решил пересмотреть свои карьерные планы.

Я вернулся в колледж и попробовал другую специализацию – греческую литературу. Затем я слушал блестящие лекции по истории России, которые читал профессор Питер Кенез. Ребенком побывавший в нацистском концентрационном лагере, Кенез уехал из Венгрии в 1956 г., чтобы получить степень доктора философии по истории России в Гарварде. Его первые две книги были посвящены Гражданской войне в России. Он преподавал в Калифорнийском университете в Санта-Круз – в экспериментальном кампусе, где не было принято ставить оценки! Я был одним из лучших студентов университета (изучал химию у профессора Стэнли Уильямса, который был номинирован на Нобелевскую премию за создание тетрафторида ксенона). В конце концов я начал изучать историю России и русский язык. Профессор, у которого я учился русскому языку, Бенджамин Т. Кларк, вырос в Центральной Калифорнии. Он знал немецкий, на котором разговаривал со своими бабушкой и дедушкой, поступил в языковую школу в Монтерее и выучил русский настолько хорошо, что стал разведчиком. Он говорил с легким немецким акцентом, и его часто принимали за балтийского немца. Его русское произношение – он говорил на архангельском диалекте – хорошо мне запомнилось.

Я не мог позволить себе обучение в аспирантуре из-за отсутствия денег. Но меня пригласили присоединиться к программе для выпускников в Калифорнийском университете в Беркли, где я должен был учиться у профессора Николая Рязановского. Он хотел, чтобы все его студенты занимались интеллектуальной историей России XIX в. Я отказался. Вместо этого я принял приглашение участвовать в программе по истории в Бостонском колледже, одном из иезуитских университетов. Я планировал изучать историю России XVI–XVII вв. – область науки, которая меня увлекала. К этому меня подтолкнул Питер Кенез, и тематика меня затянула. Когда я переехал в Бостон, прямо по другую сторону реки Чарльз, в Кембридже (штат Массачусетс), жил профессор Эдвард Л. (Нед) Кинан, блестящий исследователь России периода Московского государства. Он хорошо ко мне относился, давал прекрасные советы и охотно принимал участие в работе комиссий по защите моих магистерской и докторской диссертаций. В комиссии по защите моей докторской диссертации присутствовал также профессор Роберт О. Крамми, великолепный исследователь Московского государства (сначала он работал в Йельском университете, а затем – в Калифорнийском университете в Дэвисе). Именно он побудил меня к изучению истории Смутного времени в России.

При работе над докторской диссертацией я перевел первое французское печатное описание России, изданное в 1607 г. Жаком Маржеретом, который служил в России капитаном в период правления Лжедмитрия I. После окончания Бостонского колледжа в 1976 г. я вернулся в Орегон. Не подыскав никакой работы в научном сообществе, в течение года я работал электриком. Мой отец сказал, что он хочет, чтобы я работал головой, а не руками. «Но, – сказал он, – тебе нужно уметь работать и руками». Хороший совет! В 1977 г. я добился должности преподавателя истории России в Пембрукском государственном колледже в Северной Каролине (ныне Университет Северной Каролины в Пембруке). Я был счастлив! Я регулярно ездил в Чапел-Хилл, чтобы воспользоваться прекрасной библиотекой университета для работы над своим исследованием Смутного времени. После двух лет работы в Северной Каролине мне повезло: меня назначили на должность старшего преподавателя в Техасском университете А & М, крупнейшем исследовательском центре. Я преподаю историю России и историю Европы раннего Нового времени в Техасском университете А & М более тридцати лет. Я люблю свою работу и своих студентов.

Я очень горжусь тем, что университет, где я работаю, готовит будущих вдумчивых, трудолюбивых специалистов, чье внимание сосредоточено на России. Среди моих бывших студентов, чья работа связана с Россией, – офицеры Вооруженных сил США, участвующие в ликвидации старых боеголовок, произведенных в Советском Союзе, аналитики Агентства национальной безопасности, офицеры ЦРУ,

переводчики Агентства военной разведки, служащие Государственного департамента. Среди них юристы и аналитики, работающие на американские корпорации, которые ведут бизнес в славянских странах, предприниматели, религиозные миссионеры, музыканты, художники, фермеры, делящиеся своим опытом со славянами, и инженеры (сельскохозяйственные, компьютерные, электротехники, химики, нефтяники, атомщики и строители). Среди офицеров Вооруженных сил, которые учились у меня, некоторые сейчас преподают и занимаются исследовательской деятельностью, а другие работают в посольствах по всему миру. Один из них стал первым американцем, которого пригласили учиться в престижной Военной академии им. М. В. Фрунзе в России. Еще один бывший студент, который поддерживает со мной тесную связь, является руководителем Всемирной православной гуманитарной миссии. Нет профессии лучше и полезнее, чем помогать американским студентам узнавать о других культурах, совершенствовать умение анализировать и писать и становиться более самокритичными, независимыми мыслителями и активными гражданами США и мира.

На протяжении последних трех десятилетий моя исследовательская работа и публикации очень хорошо принимались академическим сообществом. В дополнение к двум дюжинам рецензируемых статей и полудюжине книжных глав я опубликовал несколько книг, в том числе «Российская империя и Великое княжество Московское: французское описание XVII века» (1983). Эта книга в печатном варианте до сих пор есть в продаже. Я особенно горжусь своей крупной работой «Первая гражданская война в России. Смутное время и основание династии Романовых» (2001). Исследование и написание этой книги заняло 12 лет. Я опубликовал ее сокращенный вариант: «Краткая история первой Гражданской войны в России» (2004) (она также имеется в продаже). Я получил огромное удовольствие, работая над совместным исследовательским проектом, который воплотился в труде «“Борис Годунов” без цензуры: аргументы в пользу оригинального варианта пьесы Пушкина с аннотированным текстом и переводом» (в соавторстве с Кэрил Эмерсон, Сергеем Фомичевым, Лидией Лотман и Энтони Вудом, 2006). Эту книгу также можно найти в продаже.

В свою первую исследовательскую поездку в СССР (1987) я отправился один, и, к моему изумлению, ко мне приставили личного агента КГБ. Он помог мне бесплатно доехать до гостиницы и сказал, в каких местах в Ленинграде лучше не есть. Меня привело в ужас то, каким неприветливым был Советский Союз и как грубо власти обращались с самыми обычными гражданами. В Выборге я в первый раз увидел, как милиционеры избивают попрошайку. Я также видел, как милиционеры бьют людей из Азии на Московском вокзале. С другой стороны, ко мне относились хорошо. Наиболее тесную связь в советском научном сообществе я поддерживал с профес-

сорами Русланом Скрынниковым и Александром Станиславским. С Русланом Григорьевичем мы хорошо сработались, вместе мы разрушили старый марксистский (и советский) исторический стереотип модели Смутного времени как «первой крестьянской войны». Мы показали, что в период Смутного времени не было социальной революции масс. Потребности в отмене крепостного права не существовало, и очень небольшое число крепостных участвовало в бунтах и военных кампаниях. Отрадно наблюдать конец «примитивной» модели Смуты по мере того, как молодое поколение русских ученых пытается создать более убедительные интерпретации истории России раннего Нового времени, используя эмпирические доказательства. Настолько же отрадно видеть, что оригинальный вариант «Бориса Годунова» Александра Пушкина («Комедия о царе Борисе и Гришке Отрепьеве») наконец получил заслуженное внимание. Отчасти благодаря нашей работе он был включен в новое академическое издание «Полного собрания сочинений А. С. Пушкина».

Вы спрашиваете: «Есть ли будущее в изучении России в рамках развития глобальной науки?»

Конечно же, ответ – это громкое «да!». Сейчас мы нуждаемся в российской науке больше, чем когда-либо. Позвольте мне просто привести два примера: космос и глобальное потепление. Я все еще люблю науку и глубоко уважаю приверженность многих россиян научному прогрессу. Меня также интересует возможное приложение социологических моделей к истории России раннего Нового времени. У меня есть аспирант, который исследует климат в Европе этой эпохи, Малый ледниковый период, и я написал о его влиянии на Россию. Я также написал о приложении к России периода Московского государства модели военно-фискального государства, взятой из военной истории Запада раннего Нового времени. А кроме того, описал использование исторической социологии по отношению к России этой эпохи и совместно с Сергеем Нефедовым работал над проектами по приложению к России идей Джека Голдстоуна.

Вы спрашиваете: «Что, по Вашему мнению, наиболее привлекательно в прошлом и настоящем России?»

Я всегда восхищался мастерством, которое русские проявляют в науке и инженерном деле, а также удивительным мужеством, потрясающей способностью к самопожертвованию и щедростью, которые свойственны многим россиянам. Мне нравится пытаться реконструировать историю России. Это очень сложная задача, но для меня это не только головоломка, но и честь. Учить американских студентов истории России доставляет мне огромное удовольствие. Российские история и культура несут в себе некоторые трудности

для американцев, и мне нравится помогать моим студентам их преодолеть. Узнавая больше о России и русских, мы больше узнаем о себе. Кроме всего прочего, мои студенты узнают, что русские солдаты раннего Нового времени считались лучшими в обороне во всем мире. В XVII в. русская знать увлеклась жемчугом, который, как они думали, был из Каспийского моря и Персии и который на самом деле голландцы покупали где придется по нужной цене. Патриарх Никон сам владел около 35 тыс. крепостных. Именно царь Алексей, а не его сын Петр I первым увидел серьезную проблему, которую перед династией Романовых ставила вера народа в «святую Русь» и, как следствие, начал секуляризацию страны. На мой взгляд, нет периода истории России, который не заморозит нас, если мы будем изучать его глубоко.

Вы спрашиваете: «Какие области исследования России Вы бы назвали наиболее важными для себя?»

Я изучаю культуру России раннего Нового времени, но я не верю в семиотику: я доверяю только эмпирическим доказательствам, основанным на данных, тщательно проанализированных. Как ученый-исследователь я нахожу XVII век «наиболее важным». Я считаю, что ужасающее Смутное время в XVII в. толкнуло Россию на путь, ведущий почти к кастовому обществу, что очень сильно затормозило экономическое, социальное и интеллектуальное развитие России. Чего первые Романовы хотели бы меньше всего, – это гражданское общество, активные члены которого думают за себя сами. Как преподаватель я нахожу несколько периодов истории России очень важными. В Киевской Руси развилась «аллергия на все латинское», которая отрезала Россию от Запада точно так же, как татаро-монгольское иго. (Подумайте, к каким последствиям может привести решение не читать на латыни или не изучать латинские источники.) На монголах лежит ответственность за многие события в истории России, в том числе за возвышение Московского княжества. Шестнадцатый век увидел создание «своятой» Российской империи, резкий спад экономики и закрепощение крестьян. Несмотря на Смутное время, к середине XVII в. Московскому государству удалось вырасти до размеров самой большой страны в мире.

Меня также интересует история России после XVII в. Мои студенты узнают, что русские войска впервые захватили Берлин в 1760 г. Они узнают, что Александр Радищев был «прадедом» русской интеллигенции и что в 1831 г. Александр Пушкин стал официальным историографом. Моим студентам трудно поверить, что царю Николаю I не нравились железные дороги и что он не поддерживал их строительство в России. Британцы и французы построили железные дороги на Крымском полуострове в течение Крымской войны, в то время как у русских не было путей, соеди-

няющих Санкт-Петербург или Москву с Севастополем. Угадайте, кто выиграл войну? Мои студенты узнают, что Распутин убеждал Николая II не ввязываться в Первую мировую войну, но что после своей смерти Распутин, по-видимому, продолжал путем спиритических сеансов давать императрице Александре Федоровне советы по управлению правительством, пока царь был на фронте. Мы изучаем, почему Александру Керенскому не удалось закончить войну и уступить землю своим собственным избирателям. Мы задаемся множеством вопросов. Что было бы с Россией (и с США!) в 1941 г., если бы не сталинская коллективизация сельского хозяйства? Как у советских ученых и инженеров получилось отправить собаку в космос? Что имел в виду Хрущев, когда, успокаивая американцев, расстроенных смертью первой собаки в космосе, он сказал, что им не стоит беспокоиться, потому что «Лайка была черной»? Что бы случилось, если бы Ельцин в качестве президента Российской Федерации создал свою собственную политическую партию? Что бы было, если бы президент Билл Клинтон приложил больше усилий к тому, чтобы помочь России безопасно перейти из коммунизма в современный мир вместо того, чтобы бомбить Белград? Что мы вынесли из недавней локальной войны России с Грузией? Я пытаюсь сказать, что все периоды истории России важны. По меньшей мере они важны для пожилого профессора, чья жена тоже учила русский и читала Евшушенко и Достоевского и чей сын очарован атональной музыкой Скрябина и интересуется особой связью России с сирийским кровавым диктатором.

Вы спрашиваете: «Способствует ли образ России в постсоветское время повышению интереса к ней?»

Не очень, если вы не имеете в виду небольшое повышение «отрицательного» интереса к России как к врагу США. В сущности, большинство моих студентов из Техасского университета А & М политически консервативны, но они также довольно непредвзяты по отношению к русской истории и культуре. Многие восхищаются российской культурой и наукой, остается все меньше и меньше горячих сторонников холодной войны, которые видят в России врага США. Но моих студентов не впечатляет господин Путин. Похоже, что он боится разрешить открытое выражение идей – то, что американцы высоко ценят.

Позвольте мне закончить эту длинную заметку о своем «романе» с историей и культурой России, задав моим русским читателям вопрос: почему вы допускаете столь плохое состояние здоровья у детей и взрослых и плохой медицинский уход за большинством людей? Россия достаточно богата, чтобы хорошо заботиться обо всех гражданах. С другой стороны, здесь, в США, республиканцы из палаты представителей пытаются отрезать доступ к хорошему, доступному по цене медицинскому обслуживанию для бедных амери-

канцев. Мы, американцы, все еще узнаем о нищете в нашей стране, поэтому я не хочу, чтобы мои слова о России звучали осудительно. В конце концов, изучая других, мы узнаем, иногда неохотно, больше о себе. Как сказал Стинг в одной из своих лучших песен “Russians” («Русские»): «Русские тоже любят своих детей. Несмотря на идеологию, у нас одна природа!»

Chester Dunning (Честер Даннинг), prof.
USA, Texas
Texas A&M University
c-dunning@tamu.edu